

Девушка из Аккуза

Деревня называлась Аккуз. Люди голодали, потому что шла война. Не оставалось ни прошлогодних клубней картофеля, ни даже крапивы.

Тоненькая девчонка осторожно двигалась вдоль расшатавшихся оград с побуревшими жердями. Она вздрагивала каждый раз, когда скрипели ворота. Дошла до крайнего домика и припустила по дороге, которая вводила прочь от деревни...

Двенадцать лет провела с того дня девочка в самых разных детдомах.

Б те годы у них была непечная прописка.

В Бирске ей сказали:

— У тебя хороший голос. Ты такая маленькая, а поешь, как взрослая тетя. Где ты научилась?

Ей и в голову не приходило рассказывать о том, как она иногда на целые дни уходила подальше от людей и жилья и пела, сидя у речки или подставив тугому ветру шелушащееся лицо.

В Бирске у нее появились опекуны. Ни один концерт художественной самодеятельности не проходил без ее участия. А скоро по-юношески вызывающий голос зазвучал по местному радио.

Сажиды Галимова стала студенткой педучилища.

Габдулла Бикбулатов, дававший уроки скрипичных знаний, хотел, чтобы Сажиды стала скрипачкой.

— У тебя для этого все данные, — убеждал он ее. — Отличный слух, чуткие пальцы.

Она играла в ансамбле. Но отдельно выступала только с песней.

— Почему ты не поехала в музыкальное училище? — спрашивали у нее. — Страшный ты, в самом деле, человек...

И никто не знал о том, что все свободное время она отдала литературе и не могла дожидаться того дня, когда, став за учительский стол и окинув класс пронизательным взглядом, произнесет:

— С сегодняшнего дня мы начинаем изучать творчество Пушкина...

Видно, она просто не придавала серьезного значения своему голосу.

И все-таки два года проучительствовал в деревне Утяшево, куда была направлена по распределению, она не выдержала и поступила в училище искусств. А после второго курса ее в числе трех лучших направили в Свердловскую консерваторию...

Таков был ее путь к искусству.

На пятом курсе ее вызвали в Уфу для исполнения главной партии в опере Загира Исмагилова «Шаура». Летела в самолете и волновалась. Она знала уже партию Татьяны из «Евгения Онегина», которая стала для

Сажиды Галимова в роли Микаэлы.

нее с тех пор любимой. Свободно исполняла многие сложные арии. Ее лирическое сопрано звучало свободно и легко. Самые высокие ноты удавались без напряжения, не дребезжали, как колокольчики, а только колебались, набирая тревожную высоту...

И все же она волновалась, потому что впервые пела в башкирской опере, да еще в заглавной роли. С детства знала она народную песню «Шаура», необычайно мелодичскую и сложную по структуре. И вот сидела и напевала ее про себя и представляла будущую свою роль. Думала и все отчетливее понимала, что просто-таки не знает ни манер, ни привычек башкирских женщин и вообще плохо знакома с историей своего народа.

Как-то ей придется в предстоящей работе!

...Она навсегда, наверное, запомнит этот день. Сначала все было, как во сне. Гремел оркестр, над которым страстно извивалась тонкая черная фигура дирижера. Темнел огромный, смутно угадывающийся зал и лишь иногда волнами прокатывались по нему аплодисменты. Пели партнеры, широко и плавно жестикулируя и сияя необычным гримом. И она тоже пела, подвластная общему ходу событий и какой-то безошибочной внутренней интуиции. Но мир, казалось, для нее отсутствовал. Или, может, просто отступил куда-то и вокруг полыхала неустойчивая пустота. Сажиды вспомнила, как режиссер говорил не раз и не два о том, как важно уметь управлять на сцене своим телом, чувствовать себя естественно и

непринужденно, и как трудно это достается... Но постепенно все вставало на свои места, обретало привычные очертания. Она входила в роль, чувствовала себя то слабой, то необыкновенно волевой и непременно любящей башкиркой, для которой главным в жизни была свобода.

Истерзанная и неукротимая лезла она на гору, уводя своего джигита от преследователей. И когда запела свою последнюю и нескончаемо скорбную арию, вдруг самой глубиной своей души поняла: получилось! Нашла себя в образе простой и в то же время очень непростой девушки из мгли преданий и легенд. И от этого невольно проступили на глазах слезы...

И как бы ответом на ее чувства были густые рукоплескания и жаркое пожатие композитора Загира Исмагилова.

И вот вторая роль. И опять необычайно сложная, классическая — Микаэлы в опере Бизе «Кармен». Готовить ее было трудно и потому, что работа с молодыми певцами в театре была поставлена слабо. На технику мало обращали внимания. И опять она пела в премьеры. И вновь после проникновенной арии простой и любящей испанской девушки в полном одиночестве пустой полуосвещенной сцены долго — долго гремели аплодисменты. Нет, люди не ошибались. Не могли ошибаться сотни и сотни тех, кому было дорого оперное искусство. Именно на них надо было ориентироваться!

Газим ШАФИКОВ.
Фото О. Полянского.